

Чистобаев Анатолий Иванович

Чистобаев А.И. (родился 27 декабря 1940 года, с. Польцо, Бежецкий район, Тверская область) – географ, экономико-географ, доктор географических наук (1981), профессор (1984). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999).

Действительный член Русского географического общества, Российской экологической академии, Петровской академии наук и искусств. Почетный профессор Смоленского Гуманитарного Университета (СГУ).

Действительный член Ученого совета СПбГУ, Научного совета по фундаментальным проблемам географии при Президиуме РАН, Научного совета «Экология и природные ресурсы» при Президиуме СПб НЦ РАН.

Действительный член редакционных коллегий и научных советов журналов «Вестник СПбГУ, сер. 7: геология и география», «География в школе», «Региональные исследования», «Региональная экология», «Экология и образование» и др.

*Отрывок из книги А.И. Чистобаева
«О жизни и географии с любовью...»
(СПб – Смоленск, 2005 г.).
Печатается с разрешения автора*

МОСКОВСКИЙ ШКОЛЬНИК ИЗ ДЕРЕВНИ

*Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.
К. Прутков*

Чем старше становится человек, тем ярче рисуются в его памяти картины детства. То, что произошло вчера, уходит на второй план. И, наоборот, все более отчетливо проступают контуры событий, случившихся давно. Особенно запоминаются эпизоды, связанные с жизнью самых близких людей. Мои первые воспоминания о детстве относятся к последним дням войны. Мне было тогда четыре с половиной года. Днем и ночью был слышен гул самолетов, летящих на запад. На освобожденные земли днем и ночью возвращались беженцы. В обратном направлении пешком и на попутных подводах добирались до дома демобилизованные солдаты.

Одним из первых вернулся в деревню Фомичев Павел Павлович, наш сосед, двоюродный брат моего отца. Его сын Колька – мой троюродный брат и приятель. Вместе со своей матерью (для меня – тетей Полей) он следовал за ковыляющим на костылях одноногим отцом. Колька гордый, счастливый: его отец вернулся с войны.

У каждого дома толпились женщины, дети. Взрослые задавали проходившему мимо них воину один и тот же вопрос: «Павел, моего не встречал?» Солдат молча мотает головой из стороны в сторону. Возле нашего дома стоим мы: бабушка, мама, сестра, я. Уже давно пришла к нам похоронка на отца – Чистобаева Ивана Георгиевича. Мы знаем, что он был тяжело ранен под Сталинградом, перевезен на другой берег Волги, скончался от потери крови, похоронен

в братской могиле в городе Красный Кут Саратовской области. Нам известно и о гибели трех маминых братьев: Алексея, Василии, Петре. О четвертом ее брате – Михаиле – сообщили, что он пропал без вести.

Когда дядя Павел поравнялся с нами, мама вдруг потеряла сознание. Бабушка в растерянности, мы с сестрой Люсей не понимаем, что происходит. От соседних домов бегут люди, они хлопочут возле мамы: прикладывают к ее лбу мокрое полотенце, пытаются разомкнуть рот, чтобы дать маме глоток воды. Но вода из стакана разливается по маминым щекам, подбородку.

Маму вносят в дом, кладут на скамейку. Тетя Маня Артамонова прощупывает пульс, припадает ухом к маминой груди – слушает сердце. «Шура! Шура! Очнись! Шура, ты должна жить – у тебя малые дети». Врача в деревне нет. До ближайшего медпункта, где работает акушерка (так в деревне называют любого медицинского работника), четыре километра. На самой резвой лошади за 50 минут можно возвратиться. Это долго, поэтому тетя Маня продолжает говорить те же слова: «Шура, ты должна жить – у тебя дети». Потом она берет меня за руку, подводит к маме: «Шура, вот рядом Толя, сыночек твой. Посмотри на него». И я вижу, как мама открывает глаза, протягивает мне руку. И все облегченно вздыхают.

Во время войны самым заметным человеком в деревне был почтальон Егор Иванович Кулев. У него окладистая белая борода, через плечо перевешена объемистая сумка, в ней письма, газета «Колхозный клич». До войны Егор Иванович проживал в Ленинграде, на лето возвращался в деревню к Матрене, к детям (тетя Поля Фомичева – одна из их дочерей). Дом у Кулевых большой, пятистенок, окна с резными наличниками. В главной избе инкрустированная мебель. В посудном шкафу – тарелки с золотой каймой, бокалы, стопки. На одной из полок графин с водкой, табакерка с нюхательным табаком. Если во время обеда мы с Колькой

оказывались у него дома, то он выставлял на стол три стопки, наливал в них водку и просил нас чокнуться с ним. Мы делали это охотно, хотя водку, естественно, не пили. Я думаю, таким образом дед Егор создавал себе иллюзию, что пьет не один, а в компании, «на троих». Выпив водку из всех налитых стопок, дедушка нюхал табак и смачно чихал.

По деревне почтальон Кулев шел неторопливо, степенно, возле каждого дома останавливался, снимал с головы картуз, кланялся. «Дядя Егор, нам письмо есть?» – спрашивали его через окно или у крыльца. Если письмо было, почтальон поднимал его над головой и говорил: «Пляши!» До тех пор, пока получатель не притопнет ногой, не прихлопнет рукой, он письмо не отдаст. Если никакого послания не было, то дед Егор отвечал: «Пишут». Третьего варианта ответа не ждал никто, но... «Вам пришло казенное письмо», – тихо произносил дед Егор и ждал, когда подойдут соседи, которых он заранее предупреждал о том, что несет в соседний дом «казенное» письмо. «Что в письме я не знаю, – тянул время дед Егор, – сейчас прочитаем». Он медленно разворачивал треугольное письмо и читал извещение о гибели или смерти после ранения сына, мужа или брата хозяйки дома. Соседи, как могли, утешали ее, а почтальон, смахивая накотившуюся слезу, шел к другому дому.

Через год после окончания войны в нашей деревне Попцово неожиданно появился высоченный мужчина в шинели без погон. «Фомушкины здесь проживают?» – спрашивал он встречных. Деревенские жители Фомушкиных не знали, хотя трое проживали здесь под этой фамилией с осени 1941 года. Старшей в семье была Александра Семеновна, родная сестра моей бабушки Марии Семеновны. В девичестве обе были Клюквины, потом одна из них стала Сергеевой, другая – Чистобаевой. Дочь Александры Семеновны, Елена, вышла замуж за кадрового офицера Фомушкина Григория Ивановича, но эта фамилия в деревне не была известна. До войны вся семья, включая бабушку Сашу, двух

дочерей (Галя и Люда), проживала на Украине, где служил Григорий Иванович. С первых дней войны он оказался на передовой, а его семья успела покинуть прифронтовую зону, приехала в нашу деревню. Поселились они в доме третьей сестры Клюквиных Аксиньи Семеновны Хоревой (по мужу). К тому времени ее уже не было в живых, а дом перешел к дочери Тасе, проживающей с юных лет где-то под Ленинградом.

Григорий Иванович был ранен в бою, пленен в бессознательном состоянии. Выздоровев, он пытался бежать, но был схвачен. Снова бежал, на этот раз удачно. Воевал до конца войны, потом, как бывший пленный, находился под следствием. Ему повезло: оправдали. И мне повезло: дядя Гриша стал для меня единственным взрослым родственником мужского пола. До сих пор помню, как его сильные руки подхватили меня и подняли высоко-высоко... Я радостно смеялся.

Дядя Гриша был в деревне недели две, потом уехал в Москву, чтобы найти там работу и жилье. Его семья осталась в деревне, через девять месяцев увеличилась на одного человека: родилась дочь Валя. После того, как дяде Грише представили комнату, к нему переехали тетя Лена с Валею, а спустя год, когда вместо комнаты в коммунальной квартире они получили отдельную однокомнатную квартиру, в столице поселились и все остальные члены семьи. Каждое лето бабушка Саша и ее внучки проводили в деревне, жили в нашем доме. Я не имел возможности с ними часто общаться, поскольку, начиная с 11-ти лет, работал летом в колхозе, за мной закреплялась лошадь. В четыре утра бабушка поднимала меня с постели. Вместе с другими мальчишками я шел в лес, где паслись кони. Возвратившись верхом, я запрягал лошадь либо в телегу, либо в борону, либо в конные грабли и весь день работал, вечером валился с ног от усталости.

После отъезда москвичей к нам приезжала из деревни Жуковка и жила у нас двоюродная сестра Лида Павлова,

дочь погибшего в войну старшего брата мамы – Алексея (у меня есть еще одна двоюродная сестра по имени Лида, дочь другого погибшего на фронте маминого брата Петра). Лида, дочь Алексея, работала в Попцовской начальной школе во-енруком, то есть учила детей военному делу.

*Сестра Люся (слева) и Саша Чистобаев
с мамой, бабушкой и двоюродной тетей Тасей. 1945*

Окончив начальную школу, моя родная сестра Люся училась в деревне Сутоки, где была семилетняя школа. Восемькилометровый путь до нее дважды в неделю преодолевали ещё три девочки, наши троюродные сестры. В понедельник матери провожали дочерей через лес, несли на плечах тяжелые котомки с продуктами: картошкой, солеными огурцами, квашеной капустой, хлебом.

В понедельник выходили рано утром, чтобы успеть к началу уроков. После короткого отдыха матери спешили вернуться домой до наряда колхозного бригадира. В субботу одна из мам (по очереди) встречала девчонок на дороге в

лесу. Колхозный бригадир ни разу не решился выделить лошадей для школьников. «Работать надо, а они все учатся», – так говорили в деревне про тех, кто после 12-ти лет не оставил школу.

Когда я окончил начальную школу, в деревне Польцо, где я родился и жил до 3-х лет, открыли семилетнюю школу. В этой деревне проживала другая моя бабушка – мама моей мамы (тоже Мария Семеновна, в девичестве Мельникова, по мужу Павлова). От Попцово до Польца 4 километра. Попцовские школьники ежедневно возвращались после уроков домой, а я с понедельника на вторник и с четверга на пятницу ночевал в Польце, у бабушки.

После окончания 5-го класса я получил хороший подарок: Николай Егоров, муж моей троюродной сестры Нины Никитиной (Егоровой), собрал велосипед моего погибшего на войне отца. Ребята завидовали мне, просили прокатиться, но никто из них не умел правильно пользоваться велосипедом, и моя машина, таким образом, быстро вышла из строя. Запасных частей не было, и осенью велосипед снова оказался на чердаке.

К зиме мама купила мне беговые лыжи. К сожалению, и они послужили недолго: я дал их однокласснику прокатиться с горки – одна лыжа сломалась. Мне было обидно до слез. Мама меня не ругала, а весной привезла из Ленинграда новый велосипед. К тому времени велосипед уже был у Кольки Фомичева, и мы теперь вместе ездили в школу.

Сестра, окончив семилетку, уехала в Ленинград, училась там в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) на ткачиху. Приютили ее родственники: сперва тетя Шура Карасева (старшая дочь бабушки Саши), потом тетя Клава (вдова Василия Павлова, одного из маминых братьев). В обеих семьях по двое детей: у Карасевых – Коля и Вася, у Павловых – Витя и Люся.

Мои учителя в Польцовской школе были молоды, высшего образования не имели. На уроках, особенно немецкого

языка, было шумно и весело. Побаивались мы только Ивана Ивановича Михайлова, единственного в школе мужчину. Фронтовик, без правой руки и левой ноги, он нашел себе место в жизни, был отличным преподавателем и педагогом. Каждому мальчишке хотя бы раз довелось получить от него подзатыльник, но никто из нас не обижался на Учителя.

После окончания семилетней школы несколько одноклассников продолжили учебу в «десятилетке». Эта школа находилась в 12-ти километрах от нашей деревни, в Далеках. Меня мама решила направить для продолжения учебы в Кесово-Гору, районный центр, где работал каким-то начальником друг моего отца. От Попцова до Кесова 30 километров. При таком расстоянии по бездорожью ни в осеннюю слякоть, ни в зимнюю стужу, ни в весеннюю распутицу даже на воскресенье домой не придешь. Мне было жаль расставаться со своими друзьями, но за лето я постепенно свыкся с маминим решением.

Однако в конце августа (это был 1955-й год) я, 14-летний юноша, оказался в Кесово-Горе только проездом – по пути в Москву. Открылась новая, неожиданная для меня страница жизни.